

Похоже, это и есть главарь. Дуань Минчэнь прищурился. Как гласит поговорка: «Чтобы поймать бандитов, сначала схвати их атамана». Если взять главаря наёмников, остальные, лишившись предводителя, станут лёгкой добычей.

Сжимая в руке клинок «Вышитая Весна», Дуань Минчэнь собрал ци в даньтяне, громко крикнул и бросился на главаря, несясь на него вместе с мечом.

Тот явно не ожидал, что кто-то столь яростно кинется прямо на него. Инстинктивно отдернув коня назад, он схватил одного из подручных и прикрылся им, как щитом. Однако Дуань Минчэнь не зря носил звание «военного Чжуаньюаня». К тому же годы тренировок за Великой Стеной отточили его мастерство до предела. Его удар, подобный раскату грома, рассек чёрное одеяние подручного пополам, а горячая кровь обрызгала главаря с головы до ног.

Убив одного, Дуань Минчэнь не ослабил натиска. Главарь вскрикнул — и его голова отлетела прочь. Алая кровь брызнула из горла в небо и пролилась на землю, словно дождь.

Убив двоих, Дуань Минчэнь держал в руке голову главаря. Его синий халат был пропитан кровью, а холодный клинок отражал суровое и безжалостное лицо, отчего он сам казался демоном, пришедшим за душами, — зрелище поистине ужасающее. Даже отчаянные дунъянские наёмники были потрясены его мощью. Некоторые уже дрожали, едва держась на ногах.

В этот момент гвардейцы в парчовых халатах, возглавляемые Гу Хуайцином, разобрались с нападавшими в трактире и вышли на улицу, чтобы присоединиться к Дуаню Минчэню. С гибелью главаря наёмники, лишившись лидера, превратились в беспорядочную толпу. Гвардейцы рубили их, словно капусту, и те, охваченные ужасом, вскоре разбежались.

После отступления врага Дуань Минчэнь с гвардейцами вернулся в трактир. Внутри и снаружи осталось более двадцати тел наёмников, а земля была залита кровью.

Эта жестокая схватка до смерти перепугала хозяина трактира и слуг. Лишь спустя долгое время они осмелились выползти из укрытий. К счастью, постояльцев в ту ночь было немного, и, услышав шум, все решили, что нагрянули разбойники, и не выходили из комнат, так что никто из них не пострадал.

Дуань Минчэнь успокоил хозяина и предложил возместить ущерб. Услышав, что перед ним гвардейцы в парчовых халатах, хозяин замахал руками, не смея брать денег, но Дуань Минчэнь насильно вручил ему серебряный слиток.

Успокоив хозяина, Дуань Минчэнь поднялся в свою комнату на втором этаже. Несколько его подчиненных получили ранения, к счастью, несерьёзные. Гвардейцы, чья служба часто была сопряжена с опасностью, имели опыт в лечении подобных ран. Они сами достали бинты и мазь, чтобы перевязаться.

Сянъе Сюнфэй, связанный по рукам и ногам, лежал в углу, безучастно опустив голову.

Дуань Минчэнь огляделся, но не увидел Гу Хуайцина и Ло Циня.

— Где Ло Цинь и господин Гу? — спросил он.

Один из гвардейцев поднял голову:

— Брат Ло ранен летящим ножом, господин Гу отвёл его в комнату.

Дуань Минчэнь, всё внимание которого было приковано к врагу, стоял спиной и не видел, как Ло Цинь был ранен, а Гу Хуайцин пришёл на помощь. Но он слышал глухой стон Ло Циня и догадался, что тот пострадал.

Дуань Минчэнь слегка нахмурился. Ло Цинь и Гу Хуайцин никогда не ладили, более того, Ло Цинь успел серьёзно обидеть Гу Хуайцина...

Он немедленно направился в комнату Ло Циня. Войдя, он увидел, что тот лежит лицом вниз, не двигаясь, словно без сознания, а Гу Хуайцин, держа в руке блестящий кинжал, заносит его над плечом Ло Циня...

— Руки прочь! — резко крикнул Дуань Минчэнь, бросившись вперёд, схватив Гу Хуайцина за запястье и вырывая кинжал. — Что ты делаешь?

Гу Хуайцину показалось, будто его запястье вот-вот раздавят. Боль вызвала в нём ярость, и он едва сдержался, чтобы не ударить Дуаня Минчэня. Но, схваченный за точку, он не мог использовать силу и лишь ударил обидчика свободной рукой, выкрикивая:

— Дуань Минчэнь, отпусти! Он отравлен!

Дуань Минчэнь на мгновение замер, инстинктивно разжал пальцы и наклонился к Ло Циню. Тот лежал с закрытыми глазами, его лицо было синевато-чёрным — явные признаки отравления. Сердце Дуаня Минчэня сжалось. Рана на плече была глубокой, доходила до лопатки, вокруг неё вздулся огромный синяк, а сочившаяся из неё кровь была чёрно-фиолетового цвета.

Какой страшный яд! Дуань Минчэнь с ужасом поднял голову и увидел, как Гу Хуайцин, потирая запястье, холодно смотрит на него.

В порыве ярости Дуань Минчэнь сжал его запястье слишком сильно, и на белой коже остались два тёмных синяка от пальцев. В его сердце кольнуло раскаяние. Нож был отравлен, Ло Цинь потерял сознание, и, вероятно, Гу Хуайцин собирался вскрыть рану, чтобы выдавить яд. А он его заподозрил...

Дуань Минчэнь был охвачен чувством вины. Он открыл рот, чтобы извиниться, но Гу Хуайцин отвел взгляд и, не выражая никаких эмоций, поднялся, чтобы уйти.

— Ты останься здесь и присмотри за ним, я найду врача.

— Хуайцин... — позвал Дуань Минчэнь, но тот не обернулся и вышел.

Дуань Минчэнь хотел догнать его и извиниться, но Гу Хуайцин уже ушёл. Сейчас главным было спасти отравленного Ло Циня. С тяжёлым сердцем Дуань Минчэнь отложил мысли о примирении и дал Ло Циню две пилюли противоядия. Затем он обработал лезвие кинжала кипятком, вскрыл рану, выдавил отравленную кровь и промыл её крепким вином.

Спирт, коснувшись раны, вызвал нестерпимую боль. Ло Цинь застонал и медленно пришёл в себя.

Дуань Минчэнь обрадовался, помог ему приподняться и опереться на изголовье кровати.

— Как ты себя чувствуешь?

Губы Ло Циня были синеваты, черты лица распухли — явные признаки того, что яд ещё не полностью вышел.

— Чёрт, в этот раз я действительно сел в лужу... — слабо прошептал он. — Если бы не господин Гу... если бы он не спас меня, я бы, наверное, уже не увидел тебя, брат.

Дуань Минчэнь замер. Гу Хуайцин, несмотря на прошлые обиды, спас жизнь Ло Циню, а он, Дуань Минчэнь, заподозрил его в злом умысле. Как же он мог! Чувство вины перед Гу Хуайцином стало ещё глубже.

Ло Цинь помнил, как терял сознание, и чувство, что рядом был Гу Хуайцин, его объятия, тепло и безопасность — всё это глубоко врезалось в память. Вспоминая свою былую враждебность и то, как тот, кого он обижал, спас ему жизнь, Ло Цинь не знал, что и чувствовать.

— Господин Гу... куда он пошёл? — спросил он.

Дуань Минчэнь взглянул на дверь.

— Он пошёл за врачом.

В этот момент Гу Хуайцин вернулся с врачом, у которого была козлиная бородка. Тот, судя по виду, был вытаскен прямо из постели, но мрачное и ледяное выражение лица Гу Хуайцина не позволило ему жаловаться, и он покорно принялся осматривать Ло Циня.

Врач проверил пульс, осмотрел лицо и язык, тщательно изучил рану и наконец поднялся.

— Этот молодой человек отравился сильнейшим ядом, но, к счастью, помощь подоспела вовремя, и большая часть яда уже вышла из организма. Я пропишу несколько рецептов для очищения от жара и яда, а также для укрепления крови и восстановления сил. Принимайте их утром и вечером, соблюдайте постельный режим в течение десяти с лишним дней, полностью выведите остатки яда, и тогда всё будет в порядке.

Услышав, что Ло Цинь вне опасности, Дуань Минчэнь и остальные вздохнули с облегчением. Однако в таком состоянии Ло Цинь не мог отправиться с ними обратно в столицу.

Ло Цинь смущённо сказал:

— Я был бесполезен и только создал вам проблемы.

Дуань Минчэнь похлопал его по руке.

— Мы братья, что за глупости ты говоришь? Ты просто выздоравливай, обо всём остальном не беспокойся.

Царившая между ними атмосфера братской любви и почтения заставила Гу Хуайцина почувствовать себя лишним. Он поднялся, намереваясь незаметно удалиться.

Но Ло Цинь следил за ним краем глаза и быстро окликнул:

— Господин Гу!

Тот обернулся, холодно глядя на него. Ло Цинь, смущённо покраснев, сложил руки в приветствии и сказал:

— Раньше... я был неправ. Я был предвзят и обижал тебя словами. Но ты проявил великодушие, не только не держал зла, но и спас мне жизнь. Я никогда не забуду этот долг и обязательно отплачу тебе!

Ло Цинь, несмотря на свой вспыльчивый характер, был человеком, который чётко различал добро и зло. Оставив предубеждения, он извинился с полной искренностью.

Гу Хуайцин холодно махнул рукой:

— Не стоит об этом говорить.

Сказав это, он вышел, оставив Ло Циня и Дуаня Минчэня в недоумении.

— Брат, мне кажется, он зол. Он всё ещё злится на меня? — с грустью спросил Ло Цинь.

— Нет, он не такой мелочный, — успокоил его Дуань Минчэнь.

Но в душе он вздохнул. Такое поведение Гу Хуайцина, вероятно, было направлено не на Ло Циня, а на него самого. Неужели он повредил ему запястье?

<http://bllate.org/book/16283/1466932>